

СОЦИАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ: РЕАЛЬНОСТЬ И МЕДИА-ОБРАЗЫ

Мы в отличие от государства считаем войну общественно важным событием

Дмитрий МУРАТОВ, главный редактор "Новой газеты"

- Возникают ли у Вашего издания проблемы при освещении таких тем, как война, терроризм, насилие?

- Мне кажется, что в отношении насилия существует проблема у государства. Таким образом, и у СМИ существует эта проблема, поскольку официальная государственная политика, если иметь в виду не абстрактную войну, а, например, Чечню, направлена на то, чтобы про Чечню забыть. Забыть принципиально. Чечни на телевидении нет. Если эта тема появляется, то в виде корреспондента, держащего микрофон возле представителя Федеральной службы безопасности в Чечне господина Шабалкина, который уже похоронил столько боевиков, сколько никогда и не было.

Это самая главная проблема - официальное замалчивание с помощью государственных электронных средств массовой информации того, что происходит в Чечне. В поле, что называется, на территории Чеченской Республики работают всего несколько человек, в том числе наш обозреватель Анна Политковская. Из газет, которые не забывают эту тему, я бы выделил, безусловно, "Московские новости" и "Газету", которые как минимум внятно сообщают о том, например, как начинают выселять чеченских беженцев из палаточных лагерей в Ингушетии и загонять их обратно на территорию Чечни. Под замалчивание о событиях в Чечне постоянно пытаются внушить обществу - потребителям информации, что журналисты не должны об этом писать в связи с тем, что общество раздражает и оскорбляет насилие, показанное на экране, растерзанные тела, и так далее. Таким образом, прикрываясь заботой о душевном здоровье нации, на самом деле вводят примитивную информационную блокаду на освещение, в первую очередь, войны в Чечне.

Вот самая главная проблема, а не та, которую обсуждает Индустриальный комитет вместе с президентом - показывать передвижение войск или не показывать передвижение войск. Все это вранье. Стопроцентно и многократно доказано, что тот самый репортаж НТВ о якобы выдвижении войск был показан уже после того, как штурм закончился. Но раз президент сказал, что показали синхронно, - все подряд это и повторяют. А ничего этого не было. Просто нашли очередной повод, чтобы заявить позицию государства - молчание.

- Какова политика Вашей редакции при освещении этих тем? Что Вы считаете необходимым и на что существуют табу?

- У нас есть табу на упоминание ряда наших информаторов, а также, в ряде случаев, имен военных, участвовавших в какой-то операции, поскольку это может подвергнуть угрозе их жизнь. Это все. Остальное, на мой взгляд, укладывается в рамки самой войны. Да, на войне есть ужасы, на войне есть страшные жертвы, и мы об этом обязаны информировать. То есть мы ведем себя строго в соответствии с Законом "О СМИ", где сказано, что журналист не просто имеет право, а он обязан информировать об общественно важных событиях.

Мы, в отличие от государства, считаем это событие общественно важным. И мы определяем эту общественную важность для себя сами. Когда началась вторая чеченская война, мы продолжали говорить о том, что необходимо не военное, а политическое решение этой проблемы. Но в то время страна жила в военном угаре, и

стране было все равно, идет речь о победе "Спартака" над "Ливерпулем" или о наших войсках в Чечне. Нужен был привкус победы. И у нас за несколько месяцев "отвалилось" двадцать-тридцать тысяч подписчиков. Но мы продолжали делать то, что считали важным. В данном случае мы вели себя не по законам рынка, но, во-первых, эти читатели вернулись, а во-вторых, то, что этой второй войне уже пять лет, доказывает нашу правоту в необходимости политического процесса.

- Какие материалы, на Ваш взгляд, важнее - просто информация, аналитическая журналистика или яркая публицистика?

- Все. С одной стороны, важны расследования Анны Политковской и Марата Хайрулина о том, что там реально происходит: как готовят шахидов, как проходят зачистки, как ищут своих похищенных родственников жители Чечни, как работает военная прокуратура. Это очень важно. Но очень важны, например, и материалы Андрея Пионтовского, который в публицистической форме ставит один вопрос: почему, собственно говоря, террористы не берут на себя ответственность за террористические акты? И дает жестокий ответ: террористы перестали вступать в переговоры с Россией, терроризм стал не просто организованной акцией, а фактом личной мести. На этом уровне переговоры уже не ведутся. Мы сами создали такую социальную базу шахидского движения, мы таким образом восстанавливали конституционный порядок в Чечне, что породили огромную террористическую опасность для страны. Договариваться уже нельзя: мы убили центр переговоров в лице Масхадова и Закаева и в результате получили массу, с которой договориться невозможно. Власть не хочет признавать, что эта проблема возникла, и тут же начинает повторять киношную голливудскую фразу: "Мы не вступаем в переговоры с террористами". Да кто вам это сказал?! Вы обязаны вступать в переговоры, поскольку налогоплательщик вас нанял - не для того чтобы была война и взрывали метро, а для того чтобы люди нормально жили.

- Могут ли СМИ реально повлиять на ситуацию, заставить власть что-то сделать?

- Абсолютно уверен, что да. Правда, это связано не с тем, что власть читает газеты или смотрит телевизионный репортаж и что-то предпринимает. В первую очередь, это связано, безусловно, с международным давлением на российские властные структуры. Доклад по Чечне в США, постоянные выступления в Европарламенте, постоянные выступления на сессиях ОБСЕ приводят к тому, что общеевропейские структуры предъявляют России свои требования. Больше того, эти требования приходится учитывать. Если Россия хочет интегрироваться и все-таки стать европейской страной - конечно, к мнению Европы придется прислушиваться.

- Что должно делать журналистское сообщество, чтобы изменить ситуацию в стране к лучшему?

- Журналистского сообщества нет. Его нет - и все. Есть, на мой взгляд, отдельные дружбы отдельных приличных людей и изданий. Есть договор по умолчанию. И в силу взаимных привязанностей, в силу разделенности общих нравственных подходов к проблеме эти СМИ ведут себя определенным образом. Я имею в виду "Московские новости", "Эхо Москвы", "Газету"...

- В таком случае, что, с Вашей точки зрения, должен делать каждый конкретный журналист?

- Я про это ничего не знаю. Ну, я могу рассказать, как в нашей газете это устроено. Мы вели акцию "Забытый полк" - группа Юрия Щекочихина, Вячеслава Измайлова, Эльвиры Горюхиной и одного из наших сотрудников в Чечне. Они сумели освободить из плена 171 человека. Здесь у нас своеобразная общественная приемная - к нам идут

десятки людей со своими проблемами. Сейчас мы затеяли фантастическую акцию. Представители чешского гуманитарного проекта обследовали в Чечне детей, пострадавших в ходе военных действий. Нам прислали своеобразные истории болезни - характер травмы, какая операция требуется, сколько стоит лечение. Этим писем оказалось 450, и мы осознали, что ровно столько же у нас депутатов Государственной Думы. Мы начинаем рассылку этих писем - по одному каждому депутату. Помоги одному человеку. Одному конкретному ребенку. Даже придумали для себя слоган: "Есть человек - есть проблема". Я уверен, что часть депутатов обязательно откликнется, а к оставшимся письмам подключим крупный бизнес, чтобы помочь. То есть мы непосредственно вмешаемся в жизнь, и мы постоянно это делаем, хотя понятно, что это не должно быть свойственно газете. Но тут время такое.

- Как "Новой газете" удастся сохранять репутацию оппозиционного издания и все-таки выживать?

- Мы не оппозиционная газета. Мы - газета со своей точкой зрения на происходящее. А оппозиция - это структурированная политическая сила, которая борется с правящим классом для того, чтобы прийти к власти. Наши читатели могут являться политической силой, а газета политической силой являться не может и не должна. У нас есть своя точка зрения. Существуют какие-то базовые принципы, и люди, которые здесь работают, эти принципы разделяют. Они разделяют принцип приоритета прав личности над правами государства. Человек имеет право на жизнь, на свободу, на свое волеизъявление, он имеет право не быть быдлом. Это минимум, с которым человек может прожить, это основные права.

Если уж так говорить, то это они - оппозиция. Нынешняя власть - оппозиция. А мы положили перед собой Конституцию, и почему-то читаем эту романтическую книжку всерьез. Мы не являемся оппозицией и поэтому вполне интегрированы в общество. Мы не маргиналы, мы не курим диссидентские "беломорины" на кухнях - мы делаем газету, у которой 12 пунктов печати, она выходит за рубежом, у нее постоянно растет тираж, и так далее. Это не диссидентство (в плохом смысле слова), это совсем другая работа. Именно поэтому газета является влиятельной. А влиятельная газета имеет возможность привлекать финансы. Да, она не устраивает власть, но она влияет на поведение чиновников и бизнесменов. Когда посадили Ходорковского, и весь бизнес тут же притих, мы сказали: "Эй, что вы хвосты-то поджали, корпорация? Такие были все из себя - и где вы?" И вот тут они тихо начали сюда скрестись и говорить, что они-то разделяют нашу позицию, просто громко сказать не могут.

- Газета влиятельная, но все-таки это Москва. А каков механизм в регионах?

- Конечно, все иначе, тут даже не о чем говорить. Здесь мы успешные, хотя у нас очень высокая степень личных рисков сотрудников. Это, в первую очередь, абсолютно непонятная история со Щекочихиным, но мы пока не делаем никаких заявлений - мы выясняем, потому что не имеем права устраивать пропаганду. Это убийство Игоря Домникова. Это гибель в Чечне нашего внештатного сотрудника, правозащитника Вити Попкова. Готовилось покушение на Анну Политковскую, и сейчас в Пятигорске идет суд по этому делу. Очень много угроз, шантажа. Эти риски мы стараемся минимизировать двумя способами: во-первых, конечно, юридическое обеспечение, а во-вторых, как можно более быстрая публикация подготовленных материалов. Потому что материал, который хранится, представляет из себя потенциальную угрозу.

Здесь с нами приходится считаться. Мы заняли свою нишу "неправильной" газеты. Вот есть тридцать тысяч правильных - и одна неправильная. Нами даже хвастаются государственные чиновники за границей: говорите, у нас нет свободы слова - а вот "Новая газета". На это мы особого внимания не обращаем. С другой стороны, я

понимаю, что когда аппарат президента выдает Политковской аккредитацию для работы в Чечне - они преследуют свой интерес. Этот интерес в том, чтобы хотя бы чуть-чуть узнавать, что там на самом деле происходит. Узнавать реально, а не по одноканальной связи с администрацией Кадырова, откуда говорят, что все уже заасфальтировано.

Мы заметны, и, несмотря на личные риски, нам легче. То, что происходит в регионах, не поддается никакому описанию. Достаточно посмотреть мониторинг Фонда защиты гласности или Центра экстремальной журналистики - волосы встают дыбом. Едва кто-то высказывается, происходит то, что случилось в Тольятти, когда за три года убиты два главных редактора, а прокуратура делает вид, что это бытовые разборки. В регионах все происходит просто. Снимается телефонная трубка и говорится: "Завтра эту газету не печатать". Или "Выкиньте этого редактора, чтобы я его больше не видел. Решите проблему с этим человеком".

В стране, где нет суда и самоуправления, не может быть свободных СМИ. Могут быть небольшие исключения вроде нас. Я прекрасно понимаю, что мы - исключение. И нещадно этим пользуюсь. В их таблице элементов я необходим - для экспорта. И я вынужден этим пользоваться. В регионах журналист вынужден или уходить из профессии, или подчиняться правилам игры. Больше вариантов нет. Нет суда, где можно доказать свою правоту, потому что глава администрации сделал суд практически одним из отделов этой самой администрации. Остается смириться с правилами. И уйти в эзопов язык, что, кстати говоря, добавляет стильности. Ярослав Кириллович Голованов мог в семидесятых годах начать материал о конструкторе оружия фразой "Слава Калашникова не знает границ". Эзопов язык, но гениально!

- Беда в том, что в региональных СМИ журналисты класса Голованова - редкость. Не всем хватит профессионализма.

- Я абсолютно убежден в том, что не бывает свободы слова без эксклюзивности и талантливости. Очень часто получается, что как только журналисту не хватает профессии, навыка, мастерства, он пытается стать общественным деятелем - Гришей Добросклоновым, заступником народным. Он становится ущербным, он становится сутягой, он ходит с большим портфелем, где много всяких рукописей, которые он расхристанно вытаскивает, а они еще написаны зеленой пастой и красным подчеркнуты... Это маргинализация. Человек, который не может вписаться в систему и выделить там свою нишу при помощи мастерства, не желая участвовать в гадостях, становится маргиналом. Не вижу другого варианта на сегодняшний момент - или вписаться, или уйти из профессии.

Есть газеты, которые нашли свою нишу. Например, "Новая Сибирь" - гениальная газета. Они не участвуют в острых политических баталиях, но очень точно выстраивают свою линию стильной и свободной газеты. Они сумели это сделать - они молодцы. Есть ИД "Провинция", куда входит около тридцати газет. Они тоже не работают на жестких политических противостояниях, но не дают местной власти спокойно спать. И поскольку это частный Издательский Дом с единым центром, главные редакторы подчиняются Москве больше, чем главе администрации. Хотя для того, чтобы эти издания были рыночными, их приходится отчасти "желтить". Это тоже некая ниша. Но других нет. На сегодня это факт.

- А на будущее?

- Страна, в которой можно делать прогнозы, называется прогнозируемой страной. Это страна, в которой понятно государственное устройство: есть политические партии, есть различные силы, которые заявляют свои устремления. Понятно, чего ждать от

президента, от премьера, от кабинета, от конкретного правящего класса.

У нас в стране один субъект политики. Один. Он принципиально вытоптал вокруг себя всю поляну, чтоб там больше никто не стоял. Как бы лояльные по отношению к Ходорковскому люди сокрушались: "Он занялся политикой!" Откройте Конституцию, там написано, что каждый гражданин может и имеет право... Нет, у нас это осуждение.

Как считает один из членов Комитета "2008: Свободный выбор" Александр Гольц, в нашей стране имеет смысл говорить о милитаризованности политики, о сознательном введении милитаристских принципов - то есть о решении всего с позиции силы. Даже наше правительство построено как правительство хунты: есть обычные министры, а есть министры, которые входят в Совет безопасности. Эта двойная структура, когда силовики - это сверхправительство, а остальные - просто правительство, типична для милитаризованных систем.

Если взять подшивку газет за несколько лет, слева выписать все прогнозы, а справа то, что получилось, станет видно, что ни один прогноз не сбылся. Последний пример - с премьером. Хоть в каких-нибудь самых смелых прогнозах звучала фамилия Фрадков? Поэтому ничего прогнозировать в стране под названием Россия нельзя.